

В. Н. СИДОРЦОВ

ПУТЬ К ПРОФЕССИОНАЛИЗМУ: ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

С когнитивных позиций на основе историко-биографических материалов и наблюдений автор прослеживает процесс формирования и развития исторического мировоззрения, место и роль в нем методологии истории, модернизационных явлений вплоть до наших дней.

From cognitive positions, basing on personal observations the author monitors the process of formation and development of historical outlook, defines the place and role of history methodology in it, displays of modernity in modern historical science up to our days.

Ключевые слова: история как часть культуры; теория хаоса; историческая синергетика; триада исторических методов (контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ); достоинство личности; права человека.

Keywords: History as a part of culture; Chaos theory; historical Synergetics; triad of the historical Methods (content-analysis, psychoanalysis, discourse-analysis); human dignity; human rights.

Лейтмотивом статьи может служить социокультурное измерение истории, которому придается все больше значения. История — часть культуры человека, тем более специалиста в области истории. Окидывая взглядом путь, пройденный мной, четко вырисовываются периоды школьного, вузовского, последипломного образования, вступления в научно-педагогическую и образовательную деятельность, обретения собственного места в перестроечное время, расцвета творчества и осмысления модернизационных процессов в области исторической науки. Соответственно, в предлагаемом нарративе выделены следующие разделы:

1. Моделирование истории советского общества.
2. Методология истории — суть профессионализма.
3. История как виртуальная реальность.
4. Модернизация историографии отечественной истории.

1. МОДЕЛИРОВАНИЕ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Мой путь в историческую науку обусловлен тяготением к математике, философии, всеобщей истории, искусству, культуре общения, проявлявшимися в школе, на историческом факультете Белорусского государственного университета, в аспирантуре Ленинградского госуниверситета, благодаря общению с благородными, знающими, умными людьми, воспитателями и преподавателями. Именно тогда и были заложены основы взглядов на окружающий мир в прошлом и настоящем. Они стали прочным фундаментом профессионализма, который позволил выработать свой взгляд на историю (история — политика, обращенная в настоящее и будущее). Полученные обширные знания и умения легли в основу курса истории советского общества, который определили мне после зачисления преподавателем на кафедру истории СССР исторического факультета БГУ. Возглавлял кафедру декан факультета кандидат исторических наук, доцент П. З. Савочкин.

Чтение курса истории советского общества для студентов заочного отделения исторического факультета обеспечило возможность подготовить и в 1970 г. опубликовать методическое пособие к практическим занятиям студентов-заочников. А развернувшаяся дискуссия по проблемам революционных событий в стране вызвала потребность в разработке спецкурса «Классы и партии в период Великой Октябрьской социалистической революции». Итогом этой работы явился опубликованный под редакцией П. З. Савочкина «Практикум по истории советского общества (1917—1971 гг.)», получивший гриф Министерства высшего и среднего специального образования БССР [1]. В противоположность закрытой негативной оценке профессора Л. С. Абецдарского положительную рецензию на «Практикум...», опубликованную в «Вестнике БГУ», дал известный в стране московский историк, доктор исторических наук, профессор В. З. Дробижев.

Осознавая необходимость обеспечения достойной смены, я с доктором исторических наук профессором А. П. Игнатенко и кандидатом исторических наук доцентом М. Ф. Чудаевым опубликовали сквозной и общий курс по истории СССР [2] для слушателей открывшихся подготовительных курсов.

Отсутствие источниковой базы учебного процесса обусловило разработку фактически первых пособий и документальных материалов по истории Беларуси. Они были проникнуты идеей единства происхожде-

ния, общности исторических судеб, дружбы русского, украинского и белорусского народов. Это хрестоматии [3], в которых осмысливалась структура подачи документов и осуществлялся их отбор. Трудно проходила работа над хрестоматией по истории БССР из-за препятствий, чинимых Главлитом республики. Чиновники дважды требовали замены материалов, пресекая попытки подмены их другими однотипными. И только после реальной угрозы «похоронить» хрестоматию мы выполнили их условия. А когда в печати появилась язвительная критика на отбор документов, нам оставалось только заметить: «поставить бы вас, оппонентов, на наше место; какие же вы после этого историки!»

Разрабатывались отдельные стороны общеисторического процесса. Выходом в свет увенчалась работа над созданием книги «Белорусский ордена Трудового красного знамени государственный университет имени В. И. Ленина» (1971), на титульном листе которого логичнее было бы написать — «в ознаменование 50-летия открытия университета», а не «30-летия Белорусской ССР», когда постановлением Совета Министров Союза ССР и ЦК ВКП(б) университету было присвоено имя В. И. Ленина. Радовал не столько подзаголовок (такой была эпоха), сколько содержание книги, отражавшее успехи большого коллектива. На мою долю выпало представление в нем раздела «Партийная и общественная организации». В 1971 г. в соавторстве с В. И. Прокошиним, возглавлявшим в то время комсомольскую организацию БГУ, вышла брошюра «В борьбе за знания», использовавшаяся в воспитательной работе со студенческой молодежью.

Выступления на тематических и общих научных конференциях различного уровня, сопоставление двух отрядов ведущего класса страны — столичного и периферийного — позволили углубиться в историю социальных слоев БССР. Результат — участие в создании 4-томного труда по истории рабочего класса Белорусской ССР. С благодарностью вспоминается его редактор М. П. Костюк, ныне академик НАН Беларуси [4].

Использование накопленного опыта в исследованиях по этой же, «рабочей», тематике, но на материалах истории Беларуси (монография «Государственная деятельность рабочего класса БССР» [5] и другие работы), позволило успешно защитить в ЛГУ докторскую диссертацию на тему «Рабочий класс Белорусской ССР в управлении государством (1921—1941 гг.)». Оппонентами выступали известные специалисты — доктора исторических наук, профессора В. А. Ежов, А. Т. Нетьлякин (из Беларуси) и В. И. Старцев, впоследствии занявшийся изучением масонских лож.

В исторической науке появилось новое направление — изучение личности в истории [6]. Этот закономерный исторический процесс приобрел невиданные масштабы. Деятельность личности рассматривалась в тесной связи со временем и местом ее пребывания. Изучались типы личности, социум как совокупность личностей с позиции динамики чувствительности, постепенно нарастающей и приводящей к его обновлению. [7, с. 40, 41]. В соответствии с такой установкой авторами представлена история СССР-БССР в годы Великой Отечественной войны [8]. В ее рамках выделены два раздела:

1) 1941—1942 гг. — для СССР-БССР это годы беспорядка, перестройки на военный лад, а для Германии — немецкого распорядка, «фашистского триумфа».

2) 1943—1945 гг. — для СССР-БССР это время военной унификации структур социума и достижения победы, для Германии — появления беспорядка и погружения в состояние хаоса.

Приложенные документы и фотоматериалы (некоторые из них опубликованы впервые) подтверждают схему [8, с. 52, 77].

В первом документе «Из письма рабочих Урала и Сибири И. В. Сталину от 15 сентября 1941 г.» отмечаются факты установления в стране «фашистской системы» (принудительное закрепление рабочих на занимаемых ими местах работы, лишение крестьян паспортов, наказание интеллигенции за свободомыслие, беспрекословное подчинение в армии и др.), что и явилось, по мнению уральцев и сибиряков, причиной неудач Красной армии в борьбе с гитлеровцами. Вместе с тем в письме выражается уверенность в неизбежности победы под руководством Сталина.

Во втором документе, отрывке из служебного циркуляра СД «Сообщения из рейха» от 15 апреля 1943 г. «Об образе русского у населения», обнажается геббелевская ложь в отношении советского человека. На примере остарбайтеров отмечаются присущие им черты религиозности, технической сообразительности, более высокой по сравнению с немцами образованности, чувства семьи, высокой нравственности и др. Подобные откровения свидетельствовали о смене режимов порядка и хаоса у противоборствующих сил в пользу системы СССР-БССР и неизбежности ее победы.

В условиях обостренного внимания к личности и для интеграции наук разработка моделей истории социализма в СССР-БССР неизбежно вела к уточнению ее периодизации. Заметим только, что для интеграции существенное значение имеет обращение истории к математике: и древ-

ние мыслители, и К. Маркс отмечали, что наука тогда становится собственно наукой, когда переходит на почву математики.

Представление отрезков исторического времени в виде таблицы открывает возможность не только убедиться в правомерности их выделения, но и побуждает к развитию принципов научной периодизации исторического процесса [9]. Такую периодизацию, по мнению Л. Н. Мазур, следует отнести к составному виду, поскольку она циклична и отвечает требованиям:

- 1) единого принципа деления событийного ряда, соответствующего наиболее значимой тенденции, ведущему направлению в развитии социума — демографическому;

- 2) критерия выделения периодов, заимствованного из логики, распределение которой отвечает информационному материалу;

- 3) достаточно определенных границ между периодами, маркируемых наиболее значимыми событиями, выделение которых осуществляется с использованием приемов причинно-следственного анализа;

- 4) критерия, не исчерпывающего всех тенденций и закономерностей в изучаемой области и поэтому имеющего определенные познавательные возможности;

- 5) построения периодов, не исключающих возможности выделения в рамках наличных исторических отрезков подпериодов, отражающих их внутренние закономерности (см. период 1950-х гг.) и их соотношение с официально принятой периодизацией;

- 6) выделения временных отрезков, по возможности соразмерных и внутренне пропорциональных.

В более протяженной по времени истории Беларуси (с конца XIX и до первого десятилетия XXI в. включительно) можно выделить следующие этапы (стадии):

- 1) первая половина XX в., включающая четыре временных хаоса;

- 2) вторая половина XX в. — с одним временным хаосом. Правда, нынешний период (с конца XX в. до настоящего времени) выходит за рамки эпохи социализма и, возможно, составит переходный этап в эволюции белорусского общества и государства.

Таким образом, предложенная периодизация уточняет официально принятую, имеет доказательную основу и является перспективной, нацеливает исследователей на дальнейшее пополнение историческим материалом.

2. МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИИ — СУТЬ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Методологии исследования социального прошлого и настоящего я полностью посвятил себя со времени учреждения на факультете — 27 июня 1992 г. — кафедры источниковедения и музееведения (ныне — кафедры источниковедения), где была открыта соответствующая специализация. Позже, ссылаясь на наш опыт, такую специализацию ввели на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова.

В отличие от прежнего представления о методологии как совокупности методов на современном этапе она рассматривается как научная дисциплина о системном (концептуальном) познании прошлого и настоящего, о функциях и принципах, подходах и методах исторического исследования и обучения истории, обусловленных как логикой развития науки, так и потребностями текущего времени. Если источниковедение исходит из особенностей исторических источников, то методология базируется на многообразии актуальных теоретико-методологических предписаний.

Учитывая «забвение» методологических норм, о чем свидетельствует качество защиты диссертаций всех уровней, приходится вновь обращать внимание на целый ряд ключевых вопросов в моем «Курсе лекций по методологии истории» [7]. Прежде всего это касается проблемы методологизации исторического мышления, возникшей в условиях кризиса исторической науки, наступившим вслед за ее «золотым веком» (вторая половина XIX ст.). История представлялась «наставницей жизни», дающей полное и конечное знание. Ее относили к естественным наукам, методы которых распространялись на историческое исследование, что и вызвало кризис. Терялась вера в историческую науку, она стала представляться в лучшем случае искусством. Под сомнение была поставлена сама объективность в историографии.

Из кризиса историю вывела французская школа «Анналов», отдельные положения которой предвосхитил известный российский историк В. О. Ключевский. Анналисты первой волны (М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель) показали, что история не перестала быть наукой, дающей объективные знания, но наукой, отличной от естествознания, социальной историей, требующей известных допущений, диктуемых практикой ее исследований.

Спустя 100 лет мы столкнулись с новым кризисом мировой исторической науки, не говоря уже о советской историографии. Это про-

явилось хотя бы в том, что социальные науки, «питаясь историей», не сумели предвидеть крушение СССР и последовавшие за ним сдвиги в мировом развитии. Возникла проблема поиска новых путей, новых источников, новых методов, инновационных решений, но уже в иных условиях, чем в конце XIX — начале XX в., в условиях происходящей интеграции наук.

Этот поиск может произойти лишь на основе понимания новой ситуации, путем обновления всего механизма познания истории. В условиях постмодерна появляются концепции и подходы, позволяющие синтезировать историю после Второй мировой войны, еще не всеми осмысленные, но лишившие историю цельности.

В методологии истории, включающей современность, различают три составляющие: научные концепции; многообразие признанных методов; практикум, базирующийся на использовании информационных технологий. Такой подход соответствует, например, учению американского психолога и нейрофизиолога Р. У. Сперри об ассоциациях головного мозга [7, с. 139].

Разобраться в механизме познания, уяснить смысл каждого из его элементов, уметь применить этот стандарт к анализируемой источниковой базе собственного научного исследования и обучения — современный показатель требуемого качества работы. К сожалению, приходится констатировать, что такой стандарт оставался «вещью в себе» для прежнего состава экспертного совета по историческим наукам ВАК Республики Беларусь, несмотря на неоднократные сигналы в адрес этой государственной структуры. Хотелось бы надеяться, что новый состав совета обратится к современной методологии, продумает процесс выбора официального лица консультанта докторской диссертации из числа персон, окружающих соискателя высокой ученой степени, и усилит контроль за ходом защиты диссертаций. Все можно и необходимо предусмотреть в новом стандарте.

Соискатели ученых степеней не знают (не хотят знать) работ по современным теоретико-методологическим основам исторического исследования. Подтверждает это произвольное употребление понятий. Теории (концепции) вообще не называются, а методы хотя и констатируются, но порою не соотносятся с текстом работы. В резюме, как правило, под названные ключевые слова можно подвести и другие диссертационные темы. Диссертации носят фактологический (фактографический, — поправляет Л. Н. Мазур) характер, факт приравнивается к событию. Характерна узость рассуждения (мышления).

Лучшей из докторских диссертаций, защищенных в последнее время, можно считать работу А. Г. Кохановского «Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861—1914 гг.)». Хотя автор и отталкивался от уже давно известных понятий (традиционный и индустриальный типы развития социума, сословно-корпоративная организация населения, становление классов и социальных групп буржуазного общества, незавершенность социальной трансформации и др.), он наполняет их белорусским материалом, выявляет особенности перехода Беларуси к индустриальному типу. В диссертации прослеживаются и такие новые моменты, как переход части населения из одной социальной группы в другую и стремительная динамика социальных изменений в конце XIX — начале XX в. Можно усмотреть либеральные ценности и индивидуальный автономный статус личности. Однако заключение и резюме в незначительной степени отличаются по характеру от обычных диссертаций. В ключевые слова напрашиваются такие словосочетания, как «социальный метаболизм», «стремительная социодинамика», «принцип свободы», «автономизация личности» и др. (модерн в искусстве и литературе). Именно за это, по большому счету, следовало бы присуждать научную степень.

Нельзя не отметить и монографию С. Н. Ходина о советской модернизации белорусской деревни в межвоенные (1921—1939) годы [10]. В ней автор поднимается до уровня философии постмодернизма с ее принципиальным отрицанием привычных норм отражения окружающей жизни. Можно констатировать, что С. Н. Ходин своей работой открывает новый период в эволюции историографии отечественной истории.

Концептуальная часть методологии истории включает проблему методологизации исторического мышления, рассматривается как научная рефлексия. Исследователь, столкнувшись с многообразием исторических источников, полон сомнений и противоречий. Выход из такого состояния видится в обращении к допущениям, которые должны определяться ВАКом. Правда, эти инструкции не всегда соответствуют международному опыту, развитию науки в целом (распознавание — интеграция). В подобных случаях приоритет следует отдавать тому, что действительно повышает качество научной продукции, приближает к исторической истине.

Наиболее взвешенной научной парадигмой постепенно признается вышедшая из теории хаоса историческая синергетика, которая исходит из *личности*, составляющей основу *социума* (онтологический аспект),

и ориентирует личность (исследователя) на изучение (гносеологический аспект), чтобы таким образом достигнуть истины. Не случайно этими элементами наполняются источниковая база и когнитивные структуры современного исследования прошлого и настоящего.

Такой подход обусловлен социальными функциями исторической науки, т. е. ее предназначением. В социальных науках, в том числе истории, наблюдается качественное совпадение субъекта и объекта познания. Это совпадение не означает полного тождества, поскольку объект познания в своем существовании не зависит от историка, однако оно определяет особенности концепции исторической объективности в отличие от естественнонаучной. Историк не может столь же беспристрастно судить о событиях и деятелях прошлого, как это делает естествовед. Исторический процесс представляет собой сознательную целенаправленную деятельность человека, наделенного свободной волей. Поведение творца истории не поддается жесткому программированию, ввиду чего в истории бывает трудно делать прогноз и определять мотивы поступков того или иного героя прошлого.

Деятельность исторических персонажей и социальных групп — это проявление не только свободы, но и необходимости. Каждая личность ограничена культурными традициями, природными условиями, политической обстановкой, индивидуальными задачками и т. п. Поскольку исследователь выступает как член определенного сообщества, он также несколько ограничен. В этом смысле социальное познание оказывается самопознанием, в котором общество является субъектом и объектом одновременно. Успех такого самопознания зависит от уровня развития общества, его ценностных ориентаций, оно предстает перед нами как постоянно развивающийся организм. Следовательно, объект познания остается незавершенным, что порождает трудности при изучении современной истории.

Объект исторического изучения представляет собой прошлое, недоступное прямому наблюдению исследователя. Возникает вопрос, может ли история, рассматривая столь специфичный объект, претендовать на достоверность. Да, может, ибо реальность прошлого удостоверяется нами через переживание настоящего; прошлое не уходит бесследно, оно в виде определенных результатов («следов») существует в настоящем. Непосредственным звеном, связывающим настоящее с прошлым, являются исторические источники, содержащие реликты минувшего.

Из общей характеристики методологии истории следует, что цель и задачи исторической науки вытекают из ее социальных функций. Эти

функции определились с появлением социальной истории в результате деятельности французской школы «Анналов» первой волны. Рожденная в обществе историография не может не оставаться связанной с ним, не удовлетворяя его нужды. Поэтому функции исторической науки обусловлены запросами общества, которые, однако, по-разному понимались в различные времена. При этом история не теряла своей значимости.

На основе социальных функций исторической науки строится механизм научного творчества с его принципами и структурой, подходами и методами. Реализация этих функций дает материал для исторического анализа, ориентирует на получение новых знаний и решение воспитательных задач, на демократическую жизнь общества.

Функция *социальной памяти* — базовая функция, питающая другие. Ныне она трактуется довольно широко в сравнении с эпохой, например Античности, когда в поле зрения находились лишь современные события и явления. В нынешней трактовке социальная память — это накопление и сохранение опыта всех прошлых поколений. Ее типичные черты — коллективность, избирательность, государственная организация, социальная ориентированность, примирение, справедливость.

Смысл *научно-познавательной* функции состоит в предоставлении обществу необходимых знаний для решения стоящих перед ним задач. Ранее этот тезис воспринимался как выявление прецедентов. Ныне такая функция трактуется более определенно. Целью исторической науки признается теоретическое осмысление и определение тенденций развития, важных для социальных наук и призванных открывать законы. Историческая наука указывает им направление поисков, является для них своеобразным компасом. Однако процессы развития наук, в том числе исторической, их интеграция, междисциплинарность, вся обстановка постмодерна может внести нечто новое в это заключение.

Все еще бытует мнение, что главной, чуть ли не единственной функцией истории является *воспитательная*. Однако сама по себе история не может выполнять эту функцию: необходим целый ряд различных, в том числе специальных, мероприятий, хотя истории и принадлежит, возможно, первая роль в воспитательном процессе. Именно история определяет культуру человека, позволяет ему лучше ориентироваться в окружающем мире. И это благодаря тому, что она выполняет идейно-политическую, а также научно-познавательную функцию.

Роль *идейно-политической* функции исторической науки нельзя ни исключить, ни преувеличить. Всякая идеология не может не опираться на исторические знания, общество же предъявляет исторической науке

свои требования идеологического характера. Прежде всего это требования, которые можно свести к охране и укреплению государства как такового. Поэтому исследователь, выразитель конкретного мировоззрения, не может избежать идеологической направленности своих работ. История не должна быть придатком идеологии, а ее носитель — профессиональный историк — не должен быть рупором политической партии, в которой он может состоять. История как наука выполняет в обществе социальные функции, выходящие за рамки идеологии.

История тесно связана с политикой. Ни одна важная реформа не может быть успешной без учета опыта прошлого. Однако наука может многое потерять, если будет подчиняться политической ситуации, подгонять свои выводы в угоду политической конъюнктуре. Актуальными могут оказаться исследования самого отдаленного прошлого, явления малозначимого в координате государственной политики, но важные с точки зрения выявления всех звеньев в цепочке культурного развития.

На основе социальных функций исторической науки строится механизм научного творчества с его принципами и структурой, подходами и методами. Реализация этих функций дает материал для исторического анализа, ориентирует на получение новых знаний и решение воспитательных задач, на демократическую жизнь общества.

В истории следует придерживаться как общенаучных принципов исследования, так и специальных, учитывающих особенности исторического познания и наделяющих историю самостоятельным значением. Такими *принципами* (нормами исследования, внутренними убеждениями) являются *объективность* (достоверность), *историзм*, *системность* (цельность в общей исторической картине) и *ценность* в истории. Если первые три принципа общенаучны, обязательны для любой научной работы, то четвертый относится только к историографии. Все четыре принципа внутренне взаимосвязаны.

Структура исторического исследования представляет собой упорядоченную совокупность устойчивых связей изучаемого объекта, обеспечивающих его целостность. К таким объектам прежде всего относится исторический источник, который рассматривается с позиции извне: каким образом воздействовать на него, чтобы получить информацию, нужную на данный момент, в заданном месте и параметре, располагая современными теоретико-методологическими основами. Далее, это научно-исторический факт, который представляет собой конструкцию, созданную умом ученого (модель события, квазиобъект); эмпирический и теоретический уровни в диалектическом взаимодействии и понятий-

но-категориальный аппарат. Наконец, организация и представление, описание научного знания, многомерность форм которых способствует преодолению неизбежного противоречия между средствами познания и исторической действительностью, и описание результатов исследования, требуют научного подхода в сочетании с литературным обаянием и образностью.

Представление изучаемого объекта в мышлении организуют методы. В настоящее время их, апробированных и признанных в науке, около 80. Описание методов, использованных соискателями ученых степеней по «событийной» истории, несостоятельно, ограничено или надуманно. Для удобства обращения к методам их подразделяют на группы, классификационным критерием которых может быть область применения. В истории выделяют общелогические, общенаучные и специальные (собственно) исторические методы, среди которых различают две группы:

1. Традиционные методы, определившиеся в XIX в., когда история считалась частью естествознания и пользовалась его методами, адаптированными к нуждам исторического познания. Вследствие адаптации генетический метод трансформировался в историко-генетический, типологический — в историко-типологический, системный — в историко-системный и т. д.

2. Нетрадиционные, в том числе инновационные, методы, появившиеся в середине XX в. в связи с зарождением отдельных (функционально узких) исторических дисциплин — от исторической информатики до психоистории.

Основные методы (без указания тех, которые представляют собой различные сочетания уже имеющихся), так или иначе используемые в исторических исследованиях [7, с. 144], представлены на рис. 1.

Двигаясь из центра к концам координат, мы изучаем методы и при необходимости применяем их, выясняя (определяя) полезность каждого (чем он дополняет предыдущий и в чем его ограниченность) в порядке, соответствующем координатам (K1, K2, K3, K4). Общенаучные методы (K5) используются при необходимости выхода на теоретический уровень исследования. К общелогическим методам обращаемся в крайнем случае, при необходимости выработать некий новый метод, а чаще всего — при незнании специальных исторических методов (стандартных и инновационных).

Научно выработанную совокупность методов анализа источниковой базы, примененных к конкретной теме, можно назвать методикой собственного исследования.

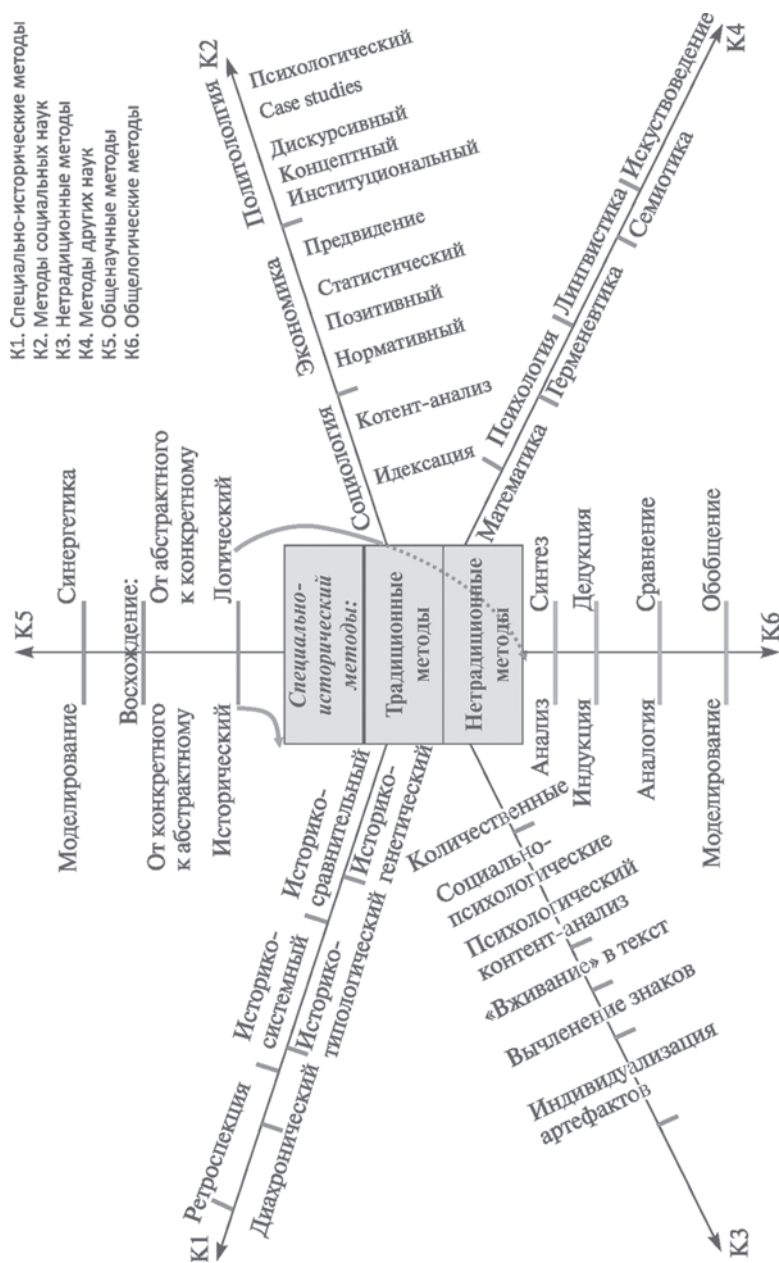


Рис. 1. Когнитивная модель познания истории

3. ИСТОРИЯ КАК ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Виртуальная реальность — это действительность, возможная при определенных условиях, например реализованная посредством компьютерных программ. Виртуальная реальность открыла возможности:

- 1) в количественном исчислении выявить степень взаимодействия элементов исторических объектов;
- 2) определить силу и характер влияния различных факторов на исторический процесс;
- 3) осуществить синтез исторических источников и построить модели исследуемых явлений;
- 4) произвести анализ существующих научных теорий и создать новые теории. Так мы приближаемся к исторической истине [11].

Опубликованное в 2003 г. учебно-методическое пособие состояло из трех модулей: «Электронный учебный курс в системе УМК», «Количественные методы», «Информационные технологии». К пособию была разработана мультимедийная программа, выполненная в системе СТ ДО «Курс».

В интересах архивистов и историков в пособии предусмотрена возможность анализа сокращенного объема данных с получением результата, который был бы репрезентативным для всей генеральной совокупности. Поэтому не случайно в нем представлен метод выборки, под которым как раз и подразумевается такая система отбора единиц наблюдения, когда результаты присущи явлению в целом. Одним из наиболее адекватных методов определения объема выборки является использование таблиц больших чисел. При этом требуется обеспечивать равную возможность попасть в сокращенный объем любой единицы наблюдения из большой совокупности.

Это достигалось одним из четырех приемов:

- 1) случайной выборкой (с обеспечением равного шанса для каждой единицы);
- 2) механической выборкой (совокупность делится на равные части, затем из каждой берется одна единица);
- 3) типическим отбором (качественно разнородная совокупность разбивается на однородные группы (типы), затем внутри каждой из них производится независимый и случайный отбор);
- 4) серийной или гнездовой выборкой, когда в случайном порядке определяются объекты (гнезда), внутри которых производится наблюдение.

К компьютерным программам мы обратились и при реализации третьей, практической, части учебного курса по методологии истории [7, с. 167—192]. В рамках лабораторного практикума предусмотрено два форума в системе дистанционного обучения: «Междисциплинарность в историческом познании» и «Социокультурные измерения истории».

Основой первого из них является перечень вопросов, на которые студенты должны ответить, вступая в диалог с коллегами и преподавателем. Также студенты должны продолжить перечень. В таком форуме четко прослеживается эффект интерактивного общения.

На втором форуме студентам указываются параметры ответов на поставленные вопросы по истории как части культуры и предлагается специально отобранная литература. В обоих случаях от студентов требуется творческое отношение к работе, причем уровень самостоятельности усиливается.

Лишь немногие студенты V курса справляются с заданиями подобного характера. Отрицательно сказываются невнимательность при расчетах, неумение исторически мыслить, отсутствие выдержки.

В последнее время широкое применение в различных областях человеческой деятельности находит теория хаоса. На ее основе появилась историческая синергетика, представляющая общество открытой, нелинейной и самовоспроизводящей социальной системой со своим научным аппаратом, обеспечивающим познание прошлого и настоящего. Кафедрой источниковедения накоплен опыт по адаптации теории хаоса к исторической действительности и созданию современной теории и методологии научного исследования.

Теория хаоса может быть определена как математический аппарат, описывающий поведение некоторых нелинейных динамических систем, подверженных в определенных условиях влиянию хаоса (динамического, детерминированного). Чувствительность к начальным условиям в такой системе означает, что все точки фазового пространства, или аттракторы (англ. *attract* — привлекать, притягивать), приближены одна к другой, однако в перспективе их траектории расходятся. Небольшое изменение в текущей траектории точек может привести к изменению их поведения в будущем [12].

Поведение подобной системы кажется случайным, даже если модель, описывающая ее, детерминированная. Примерами подобных систем являются атмосфера, турбулентные потоки, некоторые виды аритмии сердца, биологические популяции, общество как система коммуникаций и его подсистемы (экономические, политические, культурологические

и др.). Их изучение наряду с аналитическим исследованием наличных рекуррентных (возвращающихся) последовательностей сопровождается математическим моделированием — распределением частот выпадения положительных результатов или правильно принятых решений.

Одним из примеров простых хаотических систем является логистическое отображение (распределение). Применительно к социальным системам, в центре которых стоит личность, такую чувствительность можно представить как первоначально затрагивающую отдельных лиц из элитной среды или малочисленные группы гражданского общества, а затем постепенно охватывающую массы населения, выходящие на улицы с лозунгами реформ. Реализацией теории хаоса, адаптированной к социуму, является социальная синергетика. Интерес к ней пробудил у нас, на кафедре источниковедения БГУ, заведующий кафедрой исторической информатики МГУ им. М. В. Ломоносова доктор исторических наук, профессор Л. И. Бородин. По его мнению, неустойчивый характер социально-политических процессов в России и мировой системе в целом, непредсказуемость радикальных перемен, захватывающих страны и крупные регионы мира, побуждает историков, политологов, социологов, демографов, экономистов обратиться к междисциплинарному подходу [13].

Такой подход стал формироваться в 1970-х гг. под названием «наука о сложном», или *синергетика* (гр. *synergeticos* — совместный, согласованно действующий). Синергетика — это учение об открытой нелинейной самоорганизующейся социальной системе, о теории синтеза целого ряда научных направлений, о многоликости современной истории. На наш взгляд, именно синергетика как парадигма позволяет решать ряд методологических проблем, вставших перед современной научной общественностью, особенно белорусской.

Склонность «событийных» историков к привычной архитектуре исторического исследования обусловила негативное отношение к новым теоретическим построениям исторической действительности. В таких условиях уникальная синергетическая парадигма, объединяющая формационный, цивилизационный и культурологический подходы, предопределяет неизбежность пропаганды ее идей.

Самоорганизация синергетической системы достигается посредством прохождения социумом циклических режимов зарождения / сохранения порядка. В соответствии с теорией хаоса волны цикла в социальной синергетике дифференцируют режимы зарождения (состояние хаоса) и сохранения (состояние неустойчивости) нового порядка. Содержательное наполнение этих режимов показано в таблице.

Волны цикла в исторической синергетике

Зарождение нового порядка (созидательная роль случайности, развитие точек бифуркации, объединение малых систем)	Сохранение порядка (в развитом состоянии — флуктуации, неустойчивой системы, появление хаоса)
Полная открытость системы	Стремление к самоизоляции
Активизация рыночных отношений	Государственное и централизованное регулирование экономики
Усиление социального метаболизма (промежуточного обмена)	Тенденция к социальной однородности
Стремительная динамика социальных изменений	Исключение кардинальных перемен
Доминирование либеральных ценностей	Централизм и авторитаризм
Индивидуальный и автономный моральный статус личности	Доминирование консервативной идеологии и традиционных ценностей в культуре и нравственности

Механизмом смены режимов цикла являются аттракторы [14, с. 12—14]. В социальной синергетике выделяют:

- *простой аттрактор* — идеальное состояние системы, характеризующееся четкой структуризацией, жесткой иерархизацией и, как правило, минимумом открытости по отношению к другим системам;
- *странный аттрактор* (стохастический, непредсказуемый) — идеальное состояние системы, характеризующееся размыванием иерархических и прочих связей между структурными элементами системы, процессом деиерархизации и постоянным преобладанием деструктивного (деконструктивного) фактора над конструктивным;
- *суператтрактор* — идеальное состояние системы, характеризующееся преодолением ее противоречий, синтезирующее свойства простого и странного аттракторов; это «глобальный аттрактор, к которому стремится множество локальных аттракторов».

Развитие систем, попадающих в сферу влияния суператтрактора, ведет к *коэволюции*, представляющей гармоничное, конструктивное сосуществование и соразвитие различных социальных систем (общественных групп, народов и т. д.).

Действие аттракторов осуществляется по-разному, в зависимости от места в иерархии систем. В большинстве случаев их функционирование определяется уровнем, на котором они находятся. Различают три уровня:

- *микроуровень* — его элементы являются короткоживущими переменными, которые, хотя и зависят от высших уровней, формируясь под их воздействием, способны существенно влиять на развитие системы (например, индивидум по отношению к семье и нации будет являться элементом микроуровня);
- *макроуровень* — образован долгоживущими (по сравнению с составляющими микроуровня) элементами, управляющими нижележащим уровнем, но также подвергающийся влиянию с его стороны (в отношении к социальным системам организован, как правило, надличностными, коллективными образованиями);
- *мегауровень* — его составляющие являются сверхмедленными «вечными» переменными, управляющими параметрами. Например, нация в качестве строительного материала в своем развитии использует страты в качестве элементов макроуровня, а страты, в свою очередь, задают условия для развития индивида как социального элемента, являющегося составной частью микроуровня.

Историческую синергетику, таким образом, можно определить как образец (модель) открытой нелинейной самовоспроизводящей социальной системы со своим научным аппаратом (хаос, флуктуации, точки бифуркации и аттрактора и др.), служащим в качестве средства познания и оценки социума того или иного времени [14, с. 14, 15].

Историческая синергетика особенно привлекает своим обращением к личности как таковой, независимо от занимаемого ею положения в обществе и государстве. Если известный деятель Г. В. Плеханов рассуждал о роли личности в истории, имея в виду выдающуюся и вместе с тем детерминированную объективными условиями личность, то представители синергетической парадигмы наделяют такой ролью любую нормальную личность — в масштабе той или иной области занятий, страны и мира. Убийство 15 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда малоизвестным студентом Гаврилой Принципом — не просто повод к развязыванию Первой мировой войны. Последовавшая революция пробудила к активной социально-политической жизни различных по интеллектуальному уровню и характеру личностей, вдохновляя их к самым решительным действиям [13].

В процессе применения синергетики к изучению исторических объектов приходило осознание того, что она — не просто некий новый метод, который следует усвоить и использовать при интерпретации исторических фактов, пусть и достаточно известных (а в данном случае фактов, которые вообще еще не обсуждались в рассматриваемой парадигме, — исторических свидетельств Второй мировой войны или истории Беларуси за последние 100 лет). Синергетический подход в истории предполагает создание модели для решения исследовательских задач, что невозможно без углубленного мышления, представления ключевых слов.

4. МОДЕРНИЗАЦИЯ ИСТОРИОГРАФИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Интеграция наук диктует свои правила познания прошлого и настоящего. Не видеть этого — не быть современным ученым и практиком, поскольку любая деятельность в наше время должна строиться на научной основе. Принятый нами нетрадиционный подход получил в 2014 г. выходящее за рамки факультета развитие. Это нашло отражение в двух направлениях: 1) углублении междисциплинарности; 2) расширении теоретико-методологического поля исследования.

4.1. Через личность, ее сознание (контент-анализ), подсознание (психоанализ) и языковую практику (дискурс-анализ), к постижению реальности

После Второй мировой войны, стоившей громадных потерь, в историческую науку была введена личность, не столько как иллюстрация для оживления текста и прославления героев, а в качестве двигателя истории. Нарративный (текстовый) источник стал анализироваться с позиции личности, т. е. вершителя исторического события, автора текста, хранителя документов, многочисленных исследователей этих деяний. С такой трансформацией не могут не считаться историки, для которых нарративный документ является основным источником, а также исследователи других сфер социально-гуманитарного знания, анализирующие социальные явления и процессы, происходившие в истории и происходящие вплоть до настоящего времени. Исходя из решающей роли того или иного критерия группировки, появившиеся в мировой исторической науке «новые истории» следует дифференцировать по следующим группам:

- историческая информатика, история повседневности (источники);
- психоистория, устная история (методы);
- женская и гендерная истории (социальные проблемы между полами);
- демографическая и экологическая истории (сферы исследования);
- интеллектуальная и когнитивная истории (мышление).

Пришедшая на смену дифференциации наук их интеграция вооружила исследователей ранее неизвестными возможностями.

Во всех случаях на первом месте стоит человек, личность, творящая историю, описывающая ее. К сожалению, такое отношение к личности не стало нормой в отечественной историографии. Желание сделать больше, умножить армию высококвалифицированных профессионалов Беларуси упирается в недостаточную компетентность тех, кто стремится быть ученым. Достаточно сослаться на такое явление, как погоня за количественными показателями в ущерб качеству (список литературы и источников в диссертациях у историков, претендующих на степень кандидата наук, уже превышает 500 наименований, а доктора наук доходит до тысячи).

Отечественная историография подверглась, особенно в последние годы, «засорению» в методологическом отношении со стороны и ортодоксов истории, и молодых кадров, входящих в большую науку. Она нуждается в защите путем очищения и сохранения чистоты. Исследователям старшего поколения, внесшим немалый вклад в развитие науки, трудно принять новые научные идеи и подходы. Нелегко совместить привычные знания с необычным взглядом на проблемы социально-гуманитарного, в том числе исторического, познания. Молодые кадры, перед которыми открылись широкие просторы для научного творчества, не понимают преемственности в развитии науки, торопятся с выводами в своих исследованиях, не уделяя должного внимания их доказательности, проведению верификации. Негласно бытует тезис «Правда у каждого своя». С ним можно согласиться только при осознании своей темы.

Тем не менее в научный исторический анализ включаются не только результаты деятельности социума и его представителей, но и сами личности. Это, с одной стороны, усложняет работу историка, а с другой — приближает к исторической истине. Такой подход позволяет глубоко осмыслить события и явления, обстоятельства, породившие личности.

С целью стимулирования историков и гуманитариев в целом к использованию и облегчению процесса освоения их инновационных методов анализа основного, текстового источника, что весьма важно в со-

временных условиях, мы поторопились с созданием соответствующих моделей [15]. Первым шагом в этом направлении явилось обращение к полидисциплинарности такой платформы для достижения поставленной цели. Затем на ее основе была разработана логическая модель системного анализа исторического текста (триады), открывшая возможность создания соответствующей информационной среды, новой в республике и, возможно, за ее пределами, а также обучающей среды (см. рис. 2—4).

Разработка логической модели такой системы сопряжена с постижением необычной для историка терминологии, т. е. с развитием его мышления. Без этого, мы убеждены, невозможно идти вперед, повышать свой профессиональный уровень, приближаться к исторической истине, удовлетворяя современные потребности историографии и собственные амбиции стать высококвалифицированными специалистами в области исторического знания и познания.

Ставя задачу сформировать у современных молодых историков умения работать с триадой, заполнять ее данными собственного исследования и извлекать из нее достоверные результаты, мы сочли необходимым объяснить каждый рисунок.

На рис. 2 представлена логическая модель-схема системного применения триады при изучении нарративного источника — текста. Она может стать основой для разработки программной среды. В предложенной модели реализована идея о том, что структура и внутреннее единство объекта исследования позволяют при компьютерной обработке текста определить тесную взаимосвязь, смысловую тождественность данных, полученных с помощью приемов триады для анализа содержания объекта изучения. Эта же тождественность определяет возможность сочетать результаты при использовании одного метода с результатами, полученными вследствие применения другого метода.

Изучение текста осуществляется в соответствии с моделью от центральной сферы «Контент-анализ» к сфере «Дискурс-анализ». Это наиболее простой и эффективный способ организации мыслительной деятельности исследователей.

Поскольку исследовательская работа историка сопряжена с анализом первоисточников, в основном бумажных документов, возникает задача их переноса в электронную форму. Эта задача легко решается посредством имеющегося инструментария. Электронные документы должны быть структурированы. С этой целью предлагается использовать технологию *многомерных баз данных*. Структура многомерного хранилища

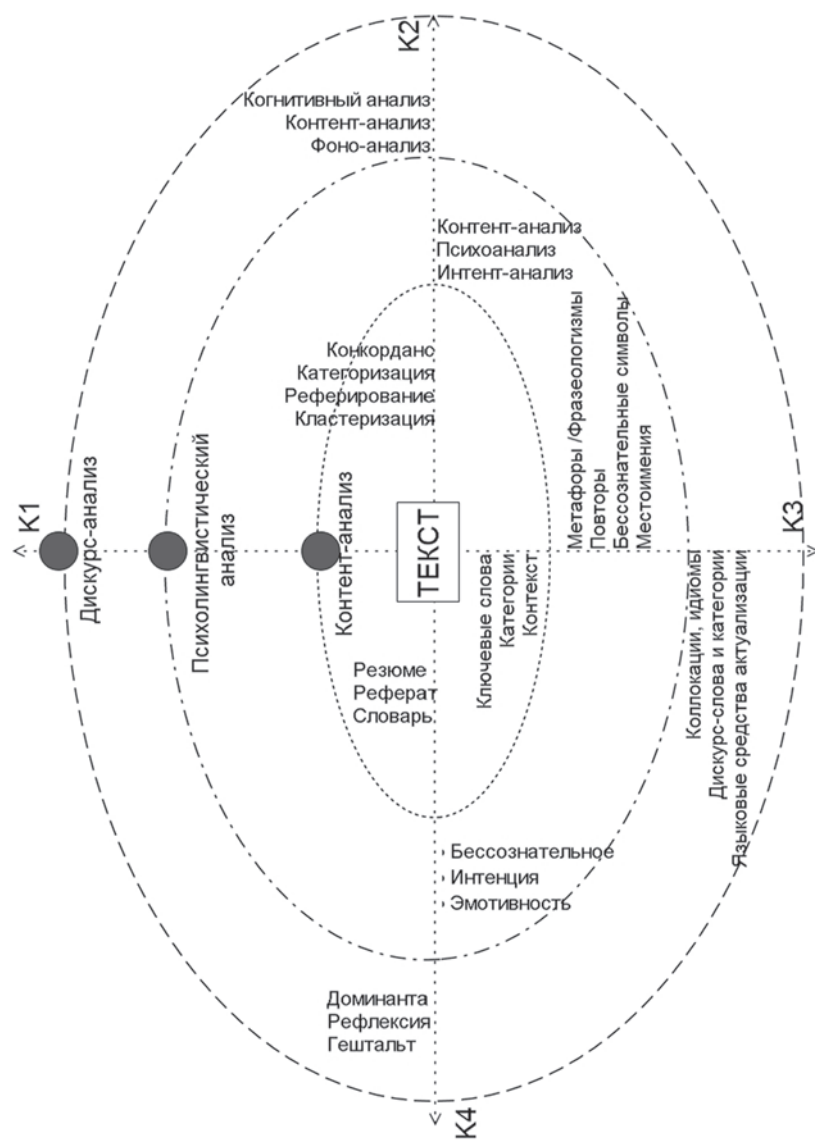


Рис. 2. Модель сочетаемости нетрадиционных методов анализа текста нарративного источника

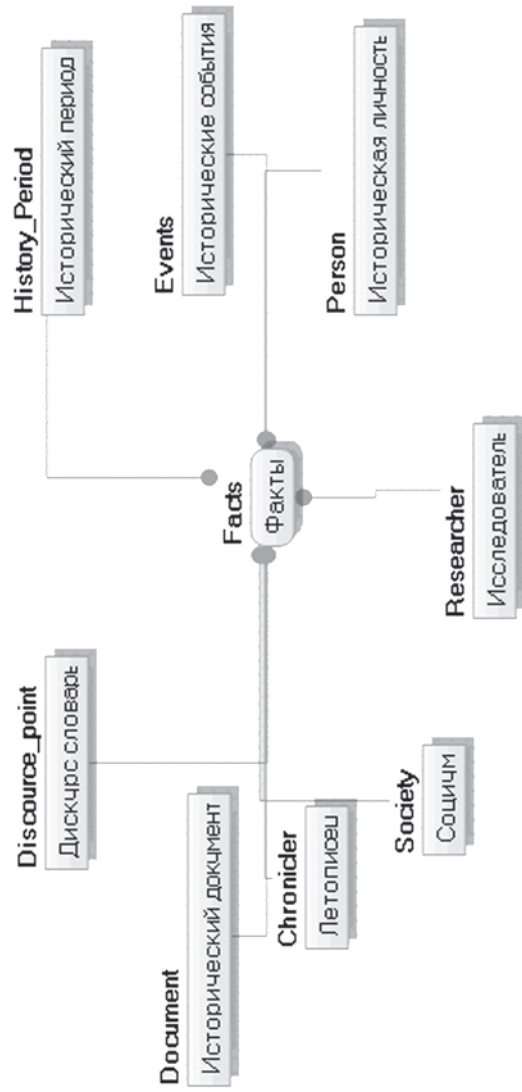


Рис. 3. Информационная модель многомерного хранилища данных

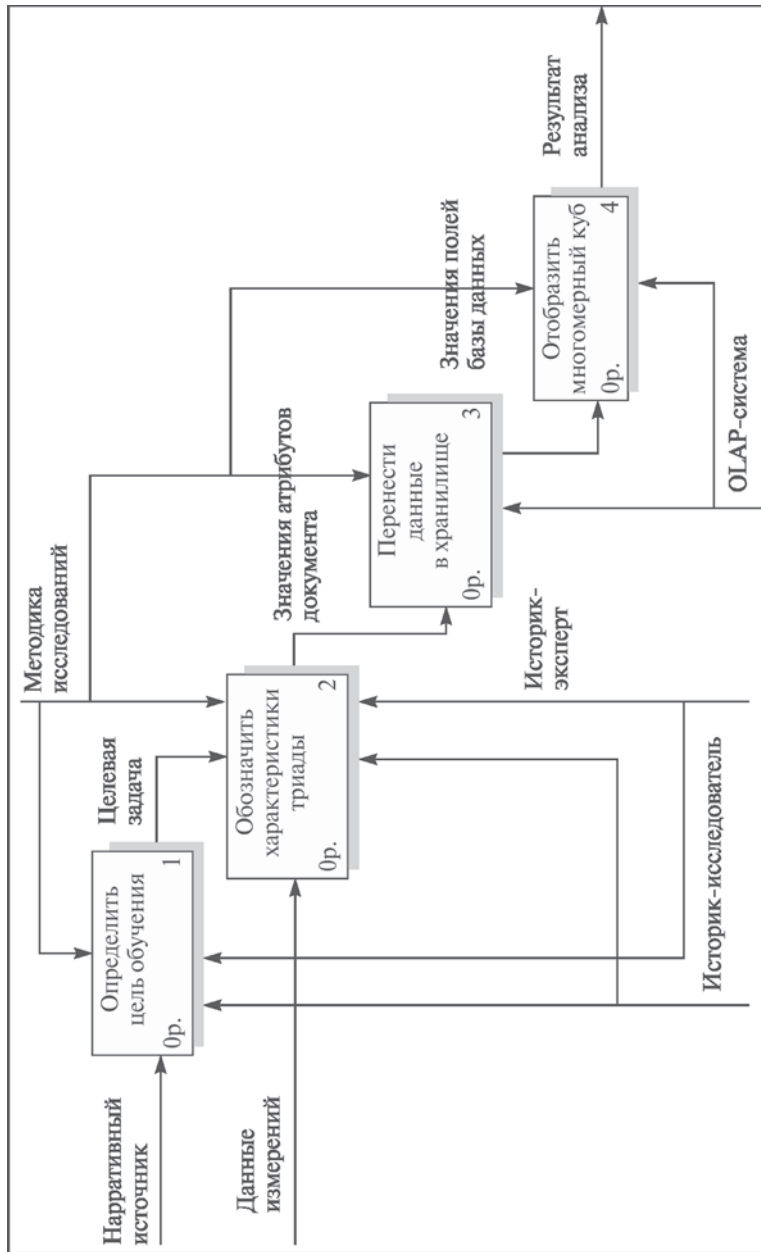


Рис. 4. Функциональная модель процесса обучения нарративному исследованию

определяется направлениями и задачами анализа исторических данных. В большинстве случаев решается задача общего анализа нарративного источника: определение автора, временной эпохи и основных понятий документа.

На рис. 3 представлена модель хранилища данных. Историк-исследователь может манипулировать элементами структуры с целью анализа того или иного аспекта событий, зафиксированных в исторических документах. Манипулирование осуществляется посредством многомерных запросов к хранилищу данных. Все это реализуется на уровне интерфейса инструментария аналитической системы, а исследователь формулирует свои запросы в терминах аналитической задачи и получает готовый результат в требуемом виде.

В целях обучения новым методам исследования на структурах измерения хранилища данных строится многомерный OLAP-куб (Online Analytical Processing — технологии аналитической обработки данных). Затем, манипулируя данными куба, мы можем обнаруживать скрытые данные, находящиеся в различных проекциях их пространства. Насчитывается четыре основных действия по исследованию исторических данных в многомерном хранилище (см. рис. 4). Отображение многомерного куба происходит посредством OLAP-запросов основных типов:

1. Срез куба. При фиксированной точке на одной из осей измерения отображаются точки пространства других измерений. Результат этой операции подобен сечению куба.

2. Вращение. В результате этой операции меняются оси измерений. Производится эффект поворота куба «под другим углом» или рассмотрение в иной перспективе.

3. Трансформация куба. В этом случае происходит укрупнение масштаба данных, скрытие «мелких деталей».

4. Развертка куба. В противоположность предыдущей операции — детализация данных.

На основе технологий интеллектуальной обработки данных возможно построение инструментальных систем для моделирования и прогнозирования исторической реальности. Такие системы имеют и другое применение — обучение историка-аналитика новым методам исследования.

Модели (см. рис. 2—4), разработанные с участием И. Г. Орешко, раскрывают взаимодействие декларативного и процедурного знания на базовом уровне когнитивных процессов проявления личности в истории. Используя модель куба, Н. И. Миницкий представил объемную

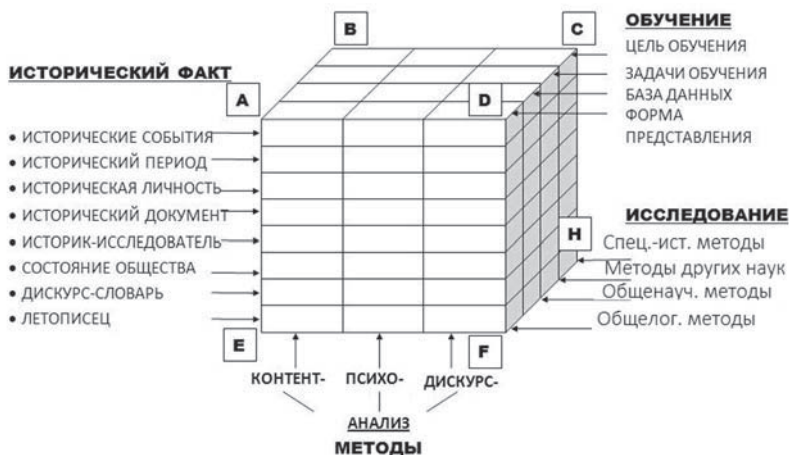


Рис. 5. Многомерная логико-графическая модель
нарративного исследования и обучения

интегрированную логико-графическую модель, которая объединяет три выше рассмотренные модели (рис. 5).

Модель Миницкого представляет диалектику когнитивного процесса в нескольких измерениях:

- 1) исследование текста — грань DCHF (см. рис. 1, векторы K1—K6);
- 2) исторические факты — грань ADFE по горизонтали (см. рис. 3);
- 3) процесс обучения — грань ABCD (см. рис. 4);
- 4) нетрадиционные методы исследования — грань ADFE по вертикали (см. рис. 2, вектор K1).

Таким образом, логико-графическое представление нарративного исследования позволяет выстроить многомерную систему контролируемых характеристик и тем самым создает условия для когнитивной мобильности в управлении исследовательской и учебной познавательной деятельности субъекта.

4.2. Достоинство личности и права человека

Актуальным направлением модернизации является расширение теоретико-методологического поля исследования. Группа преподавателей факультета в составе профессора И. О. Евтухова, доцента В. А. Латышевой и автора этих строк приняла активное участие в работе по созданию

фундаментального труда Института философии НАН Беларуси «Достоинство личности и права человека» (рабочее название), выполняемого под руководством члена-корреспондента НАН Беларуси Л. Ф. Евменова. Подготовлены статьи «История формирования феномена достоинства и прав человека» (И. О. Евтухов), «Милосердие как философия права человека на жизнь» (В. А. Латышева), «Достоинство личности и права человека в свете синергетической философии» (В. Н. Сидорцов). Разработана лекция по общей проблеме.

Возрастание роли личности — закономерный исторический процесс. Ее усиление неизбежно как в онтологическом, так и в гносеологическом смысле. Во второй половине XX в. в очередной раз обострилось внимание к личности простого человека. И мы занялись изучением истории через личность и для личности.

К сожалению, уроки Второй мировой войны не пошли впрок. Это хорошо видно на примере многих горячих точек на нашей планете, где льется кровь ни в чем не повинных людей. Надо прочувствовать, что это такое. Автору пришлось это испытать во время фашистской оккупации на территории Гомельского района, который не входил в созданный фашистами округ Белорутения.

Другим примером может служить случай, когда пришлось наблюдать на даче, как птичка спасала свое гнездо с птенчиками. Одиравший кот с опустевшего соседнего участка пытался охотиться на птичку и разорить гнездо. Услышав непривычный шум борьбы и заметив короткохвостку, летавшую вокруг меня и издававшую жалобные звуки, я отогнал кота.

А на следующий день увидел птичку с перебитой ножкой и попытался помочь ей, поставив крышечки с водой и зерном, но тщетно: она изнемогала. Я готов был наказать кота, однако, увидев этого негодяя, и в его глазах прочел прошение пищи.

Мои чувства, естественно, были на стороне птички-жертвы, а не кота-агрессора. Чувственность — характерная отличительная черта личности.

Не случайно личность привлекает внимание многих исследователей гуманитарного знания (историков, философов, социологов, психологов, лингвистов, юристов). Волнует проблема взаимоотношения понятий «личность» и «права человека». Решая эту проблему, мы не можем не говорить о нравственности, морали, т. е. о совокупности норм и правил поведения, отношения друг к другу, к обществу. Это — больше, чем поучение. Но прежде обратимся к тому, что пишут на сей счет выдающиеся мыслители.

Известный немецкий философ И. Кант открыл нам такие «великие нравственные силы, которые являются источником жизни и развития», как любовь и уважение [16, с. 276, 277]. Можно и нужно углубиться в суть этих идейных ценностей.

Обратимся к А. П. Чехову. Бесшабашный и любвеобильный в юности писатель сумел себя перевоспитать. Многих удивила его женитьба незадолго до кончины на актрисе Ольге Книппер, выступавшей в Москве и Петербурге. Его любовь к ней выражена в письмах, где А. П. Чехов писал: «Когда любишь, то в своих рассуждениях об этой любви надо исходить от высшего, от более важного, чем счастье или несчастье, грех или добродетель, в их ходячем смысле, или не нужно рассуждать вовсе».

Белорусский философ Л. Ф. Евменов считает «великими нравственными силами» такие элементы, как правда, выбор, справедливость, сострадание, милосердие, терпимость, стыд, смущение, радость, честь, ответственность, совесть и др. [17]. По убеждению Л. Ф. Евменова, вышеназванные элементы (качества) анализируемых сил — не просто идеи. Они — объективная реальность, зафиксированная в международных правовых актах. Убедительно звучат его слова о том, что достоинство личности — не только идея или понятие, но и «действительность высокого морального накала».

Современный немецкий философ Юрген Хабермас поддерживает нравственное толкование достоинства личности и его идейную связь с правами человека. Однако он отрицает их наличие в объективной реальности [16].

Права человека коренятся в достоинстве личности. Оно утверждает-ся как ведущее начало. И это находит подтверждение в распространяющейся теории хаоса и ее наложении на историю (социум в прошлом и настоящем) в виде исторической синергетики.

В соответствии с синергетической парадигмой социум рассматривается в качестве открытой (экономически развивающейся и поддерживающей внешние связи) нелинейной (хаотической, сменяющейся порядком и вновь хаотической) самоорганизующейся (проходящей точки бифуркации) системы. Чувствительность этой системы к небольшим колебаниям перерастает во взрыв, когда сбрасывается все отжившее и начинается новый цикл. Механизмом обновления системы являются аттракторы.

Решающую роль в обновлении системы играет странный аттрактор, когда состояние системы размывает иерархические и прочие связи меж-

ду структурными элементами, и ее положение становится деструктивным. Следующим шагом эволюции является переход к суператтрактору, когда система преодолевает возникшие противоречия, происходит синтез свойств простого и странного аттракторов. Аттрактор становится глобальным: к нему стремится множество локальных аттракторов.

Таким образом, из совмещения идейного решения проблемы соотношения понятий «достоинство личности» и «права человека» с синергетической философией следует вывод, что права человека действительно обусловлены достоинством личности. Права человека выступают и как моральная, и как юридическая, и как социальная реальность.

В новых условиях, в обстановке модернизации научного исследования неизбежна перестройка исторического образования и, в частности, преподавания курса методологии истории. Необходим акцент не на запоминании и воспроизведении в памяти фактов и их интерпретации, а на понимании сути рассматриваемых вопросов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Сидорцов В. Н.* Практикум по истории советского общества (1917—1971) : учеб. пособие для студентов-заочников ист. фак. вузов. Минск : Изд-во БГУ, 1973.
2. История СССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции) : учеб.-метод. рекомендации / А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцов, М. Ф. Чудаев. Минск : Изд-во БГУ, 1987.
3. Хрестоматия по истории БССР (1917—1971) : учеб. пособие для студентов ист. фак. вузов / сост. : П. З. Савочкин [и др.]. Минск : БГУ, 1972 ; Хрестоматия по истории Белоруссии. С древнейших времен до 1917 г. / сост. : А. П. Игнатенко, В. Н. Сидорцов. Минск : Изд-во БГУ, 1977.
4. История рабочего класса Белорусской ССР : в 4 т. Минск : Наука и техника, 1965. Т. 2 : Участие в управлении государством. Международные связи рабочего класса.
5. *Сидорцов В. Н.* Государственная деятельность рабочего класса БССР (1921—1937 гг.) Минск : Изд-во БГУ, 1978.
6. *Сидорцов В. Н., Приборович А. А.* Изучение личности в истории: ориентация на контент-анализ, психоанализ, дискурс-анализ. Минск : Издат. центр БГУ, 2011.
7. *Сидорцов В. Н.* Методология истории : курс лекций. Минск : БГУ, 2010.
8. *Сидорцов, В. Н., Латышева В. А.* Народ во Второй мировой и Великой Отечественной войне: синергетический взгляд на историю. СПб. : Образование-Культура, 2005.
9. *Сидорцов В. Н.* Опыт периодизации отечественной истории // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Мінск : БДУ, 2012. Вып. 7. С. 165—169.
10. *Ходзін С. М.* Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921—1939). Мінск : БДУ, 2014.
11. *Сидорцов В. Н.* Методология истории: количественные методы и информационные технологии : учеб.-метод. пособие. Минск : БГУ, 2013.

12. *Сидорцов В.* Теория хаоса и ее использование в познании истории // Белая вежа. 2014. № 5 (12). С. 127—135.
13. *Бородкин Л. И.* «Порядок из хаоса»: концепции синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2.
14. *Сидорцов В. Н., Кандыба И. А., Равченко М. М.* Беларусь в XX веке: нетрадиционное представление истории. М. : МАКС Пресс, 2010.
15. *Сидорцов В. Н., Орешко И. Г., Миницкий Н. И.* Логическая, информационная и дидактическая модели триады в познании прошлого и настоящего // Гісторыя і грамадазнаўства. 2014. № 9. С. 3—10.
16. *Кант И.* Основы метафизики нравственности. Соч. М. : Мысль, 1965. Т. 4 (1). С. 231—310.
17. *Евменов Л.* Достоинство и права человека — это не утопия // Наука и инновации. 2013. № 2 (120). С. 62—69.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 28 чэрвеня 2014 г.